

Классика, ожившая сегодня

Праздник

Уже по одному тому, как выходит публика из театра, можно определить, понравился ей спектакль или нет. Спектакль «Мария Тюдор» в исполнении Национального народного театра Франции окончился в 10 часов 40 минут. Первые зрители начали выходить из театра в 10.50, и еще в 11.15 перед Домом культуры промкооперации былолюдно и весело. Тут же на площади возникали оживленные дискуссии. Люди вспоминали поразившие их детали спектакля: необычайную выразительность, почти скульптурную пластичность жеста на черном фоне, поразительную симфонию красок, которую создают театральные костюмы, крупные слезы на глазах королевы Марии — Марии Казарес в конце первого акта. Каждый при этом понимал, что главное не в этом, главное — в огромной человечности, в настоящем глубоко гуманизме, в подлинном, умном, целеустремленном искусстве всей труппы и каждого члена ее в отдельности, будь он артист на первых ролях или осветитель.

Господин Жан Вилар! Вы считаете, что театральное представление должно стать народным праздником. Заявляем вам с полной ответственностью: вы этого добились. И хотя во время ваших ленинградских спектаклей не было ни танцев в фойе, ни встреч зрителей с артистами за столиками кафе, как это, говорят, бывает у вас в Париже, во дворце Шайо, — ощущение праздника было. Праздник состоялся.

Наш и ваш Мольер

Заканчивая свое краткое выступление перед премьерой «Дон Жуана», Жан Вилар сказал: «На этом сегодня кончается моя роль директора и режиссера. Разрешите предоставить слово Мольеру — нашему и вашему Мольеру». Каков же этот Мольер 1956 года в одном из самых молодых театров Франции?

Постановка в современном театре пьесы, написанной около трехсот лет назад, ставит перед театром ряд вопросов, и прежде всего: как совместить верность автору с требованиями сегодняшнего дня? Ведь Мольер писал для своих современников, людей эпохи абсолютизма: маркизов в напудренных париках и шумных народных толп парижских площадей, добрых католиков, подданных его ве-

личества короля Людовика XIV, людей, которые думали не так, как их потомки, живущие в пятидесятых годах XX века. Если постараться поставить все так, как это было у Мольера, может ли такой спектакль глубоко взволновать и научить чему-нибудь современного зрителя Народного театра, парижского рабочего или студента?

Естественно, что театр не пошел по этому пути. Основная заслуга Жана Вилара как режиссера заключается в том, что, не противореча Мольеру, не меняя ни слова в тексте, он сумел по-новому прочесть пьесу и создать спектакль, глубоко соответствующий запросам человека пятидесятых годов нашего века. Из блестящей мольеровской комедии получилась философская и даже социальная драма.

В рецензиях уже не раз писали — и правильно писали, — что Дон-Жуан Вилара — вовсе не легкомысленный дворянин, а философ-скептик, человек, разочарованный во всем, не верящий ни в бога, ни в черта, ни в добродетель. Но тогда зачем же он совершает по меньшей мере легкомысленные поступки? Зачем совращать девушек, убивать Командора; зачем лезть на рожон, подвергая себя явной опасности, если все приелось, все заранее известно? Очень просто: все это — опыт, вернее, серия опытов. Ведь если нет ни бога, ни черта, ни морали, ни добродетели, нет никаких сдерживающих начал, то человеку все позволено, он свободен грабить, убивать, прелюбодействовать, обманывать: чего ради сдерживать свои разбушевавшиеся инстинкты?

Так ли это и до каких пределов может идти во всем этом человек, — вот вопрос, который задает себе Дон-Жуан Вилара и разрешению которого посвящает свою жизнь. И... терпит поражение. Без веры — не в бога, конечно, а в высокие гуманистические идеалы — жизнь человеческая пуста. Отсутствие идеалов неминуемо приводит к аморализму — вот что хочет сказать Жан Вилар своим Дон-Жуаном. Крах воинствующего индивидуализма, идеологии бандита и насильника — вот основная идея спектакля, идея более чем актуальная, и не только для Франции.

Однако Дон-Жуан спектакля далеко не бандит и не насильник, он по-своему обаятелен и по-своему красив. Но и это не противоречит основному замыслу, а лишь помогает его раскрытию: если в своем аморализме терпит поражение и приходит к трагическому концу даже такой обаятельный человек, то тем это бесспорнее и поучительнее.

Когда мы говорим об игре Жана Вилара, речь может идти не просто о техническом совершенстве, а об абсолютном перевоплощении: артист и персонаж сливаются в одно лицо. Это не результат мгновенного вдохновения, не импровизация, а плод длительной и кропотливой работы над каждым жестом, каждой интонацией. В соединении с глубочайшим замыслом техника сама по себе уже не замечается.

Единому режиссерскому замыслу явственно подчинено все в спектакле — недаром в своей книге Жан Вилар так настаивает на руководящей роли режиссера в современном театре. Видимо, именно поэтому несколько монотонны Дон Карлос (Жан Топар) и Дон Луис (Жорж Вильсон). Они противопоставлены Дон-Жуану, но они — слабые противники даже по пьесе и намеренно ослаблены в спектакле. Все, что они могут сказать Дон-Жуану, безнадежно старо для последнего. Ведь драма Дон-Жуана еще и в том, что он не находит, во что верить. Их вера и их мораль ему кажутся несостоятельными, он перерос их, а непосредственная, инстинктивная, не столько католическая, сколько просто

человеческая мораль Сганареля ему недоступна.

В некоторых рецензиях упрекали Моник Шометт — Эльвиру за то, что она будто бы выпадает из общего тона спектакля. Вряд ли упрек основателен. С таким же успехом можно обвинять в этом статую Командора. Ведь Эльвира не просто одна из жертв холодного обольстителя, она же одновременно и призрачная женщина, видение, появляющееся в последнем акте. Она, как и статуя Командора, символизирует судьбу, которой бросает вызов Дон-Жуан. Поэтому естественно, что Эльвира — Моник Шометт немного не от мира сего, это особенно заметно в четвертом акте.

Глубочайшего и неожиданного драматизма достигает в спектакле едва намеченная у Мольера социальная линия. В первую очередь благодаря неподражаемому Сганарелю — Даниэлю Сорано. Именно он дает последний, завершающий штрих, который крепко запоминается. «Мое жалование, мое жалование» — эта широко известная, почти вошедшая в поговорку и завершающая пьесу фраза Сганареля, призванная, по замыслу Мольера, комически уравнивать, снять драматизм смерти Дон-Жуана, здесь произносится со слезами. И это потрясает. Подлинно драматический и почти социально обусловленный характер — вот что делает Сорано из традиционной комической маски Сганареля.

В газетной статье не исчерпать всего того, что содержится в этой по-настоящему глубокой постановке. Масса режиссерских находок и актерских удач, даже таких, как изящество и блеск Зани Кампан и Кристиан Минаццолли (Шарлотта и Матюрин), неминуемо выпадает из поля зрения рецензента. Надо говорить о главном. А главное — это то, что спектакль Жана Вилара — настоящее художественное открытие. Да, господин Вилар, ваш Мольер — это теперь и наш Мольер. Мы с глубокой благодарностью принимаем его таким, каким вы нам его показали.

Королева Мария

Из всех драм Гюго «Мария Тюдор» — явно не лучшая. Но тем больше заслуга театра, что из сентиментальной и слегка напыщенной мелодрамы получился превосходный, волнующий спектакль. В «Марии Тюдор» нет той глубины, многозначности, которые характерны для мольеровского «Дон-Жуана». Поэтому постановщик и не стремился к созданию какого-нибудь принципиально нового толкования пьесы. Его задачей было восстановить дух подлинного Гюго, зачастую даже вопреки самому Гюго, вопреки авторскому тексту. Так, был произведен ряд сокращений, устранены — очень тонко и умело — некоторые повторения и длинноты. На наш взгляд, пьеса от этого только выиграла, стала более энергичной, менее сентиментальной.

Но есть в «Марии Тюдор» в постановке французского театра одна особенность, которая роднит ее с «Дон-Жуаном». Это тоже спектакль, где все подчинено — случайно ли? — одной роли, одному актеру. Поэтому во всех без исключения рецензиях на спектакль речь идет не столько о спектакле, сколько о Марии Казарес — Марии Тюдор. Об ее таланте, о виртуозной тонкости ее игры, сочетающейся с огромным темпераментом, написано немало страниц. Не будем повторять здесь сказанного: талант Марии Казарес не нуждается в лишних комплиментах.

Свою королеву Мария Казарес играет в полном соответствии с замыслом Гюго, который в предисловии к драме писал о своей героине: «Королева, которая в то же время была бы женщиной. Величественная как королева. Естественная как женщина». Пожалуй, в том-то и состоит основное достижение Казарес, что на сцене каждую минуту, в каждом слове и каждом движении она одновременно и женщина, и королева.

Достойными партнерами Марии Казарес выступают Роже Мольен (Фабиано Фабиани), Моник Шометт (Джен), Жорж Вильсон (Жильбер) и Филипп Нуаре (Симон Ренар). Важно, что никому из них ни на секунду не изменяет чувство стиля; нет в спектакле этой ненужной приземленности, правдоподобия бытовых деталей, которые у нас некоторые критики называют реализмом.

Еще не закончились гастроли, еще рано подводить итоги, но уже сейчас ясно, что надежды ленинградцев оправдались. Ясно и то, что приезд прославленной парижской труппы в Советский Союз, в том числе в Ленинград, выходит за пределы только театральной жизни города и страны. Мы всегда с глубоким уважением относились к французской национальной культуре. Теперь мы еще лучше понимаем, что такое Франция, — благодаря вам, друзья из Национального народного театра, благодаря вам, господин Жан Вилар!

К. ДОЛИНИН

Сцена из спектакля «Дон-Жуан» в постановке Национального народного театра Франции.

Фото Я. Дьячкина